

Б.Е. Александров

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО И СТРАНЫ ВЕРХНЕЙ МЕСОПОТАМИИ В ПРАВЛЕНИЕ ТУДХАЛИИ IV И ЕГО СЫНОВЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XII в. до н.э.): НОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ И ИСТОЧНИКИ*

В статье предлагается анализ и интерпретация некоторых недавно введенных в научный оборот эпиграфических документов (КВо 18.28+, КВо 50.92 а, b) в контексте хетто-ассирийских отношений, которые в рассматриваемое время, несмотря на пограничный инцидент в начале правления Тукульти-Нинурты I, оставались мирными и в основном дружественными.

Ключевые слова: Хеттское царство, Ассирия, Ханигальбат, Тудхалия IV, Тукульти-Нинурта

Внешняя политика Хеттского царства в период расцвета его могущества (середина XIV – вторая половина XIII в. до н.э.) всегда являлась объектом пристального внимания специалистов. Не составляют исключения в этом плане и взаимоотношения хеттов со странами Верхней Месопотамии: Ассирией и Митанни/Ханигальбатом. Более того, можно отметить, что в последние годы наблюдается резкий рост исследовательской литературы, посвященной данной теме¹. Вместе с тем в силу специфики источниковой базы история контактов Хатти с верхнемесопотамскими государствами получает самое разное, подчас противоречивое освещение. Никакой устоявшейся, общепринятой ее схемы на данный момент не существует. В этих условиях попытка предложить согласованную, учитывающую показания всех письменных источников реконструкцию этой истории целиком или по событийным блокам представляется оправданной. В данной работе мы сосредоточимся на том отрезке истории взаимоотношений Хатти с Ассирией и Митанни/Ханигальбатом, который связан с деятельностью хеттского царя Тудхалии IV и его преемников, Арнуванды III и Суппилиуми II (вторая половина XIII – начало XII в. до н.э.).

Источники, освещающие контакты Хатти с Ассирией и Митанни/Ханигальбатом, в большинстве своем относятся к жанру дипломатической корреспонденции.

Александров Борис Евгеньевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

* Данная статья была написана при поддержке РГНФ в рамках проекта «Корпус хеттских историко-литературных нарративов в системе историописания древнего Ближнего Востока» (РГНФ 09-01-00095а). Автор признателен к.и.н. А.А. Немировскому и к.ф.н. А.В. Сидельцеву за ценные замечания, высказанные ими в ходе обсуждения рукописи этой работы.

¹ Ключевой публикацией последних лет является переиздание хетто-ассирийской царской корреспонденции, осуществленное Клелией Мора и Мауро Джорджери (Mora, Giorgieri 2004). Кроме того, см. Orlamünde 2001; Dietrich 2003; Freu 2003a; Freu 2007a и соответствующие разделы в монографических исследованиях этого автора по истории Митанни, Угарита и Новохеттской державы: Freu 2003b; Freu 2006; Freu, Mazoyer 2008; Freu, Mazoyer 2009, а также: Cancik-Kirschbaum 2008a; Cancik-Kirschbaum 2008b; Mora 2005a; Mora 2008; Singer 2008; Немировский, Александров 2007; Немировский 2008.

Местом их обнаружения является царский архив хеттской столицы Хаттусы (совр. Богазкале). Особенность хетто-ассирийской дипломатической переписки заключается в том, что значительная часть принадлежащих к ней текстов – это не входящие документы, как в большинстве архивов Ближнего Востока II тыс. до н.э.², а черновики посланий хеттских царей, составленные на хеттском языке. Значительным препятствием, затрудняющим их использование в исторической реконструкции, является плачевное состояние их сохранности: в большинстве случаев речь идет не о целых табличках, а лишь о небольших фрагментах. При этом часто неизвестно, кто является адресатом и отправителем письма, что делает датировку фрагментов подчас невозможной. В целом, однако, несмотря на эти ограничения, эпистолярные тексты составляют основу реконструкции истории хетто-ассирийских отношений: они позволяют установить основные этапы в их развитии (мир и братство, вражда) и ключевые проблемы, вокруг которых они строились.

Вместе с тем в последнее время в качестве аргумента против репрезентативности междуцарской корреспонденции как исторического источника помимо ее плохой сохранности выдвигается и иной аргумент. Так, в ряде недавних публикаций итальянский хеттолог Клелия Мора утверждает, что в том виде, в каком до нас дошли письма хеттских царей, они никогда не отправлялись в Ашшур³. Дело в том, что в них много говорится о враждебности отношений между двумя сторонами. Между тем документы административной переписки из среднеассирийских провинциальных центров свидетельствуют, что во второй половине XIII – начале XII в. до н.э. между Хеттской и Ассирийской державами поддерживался нормальный торговый и дипломатический обмен, возможный только при дружественных отношениях между их правителями. Мора полагает, что показания этих источников заслуживают большего доверия, чем черновые наброски дипломатической корреспонденции из Хаттусы. Административные тексты фиксируют сухие факты, в то время как в царских письмах возможны искажения и преувеличения. Если первые сообщают о мире, а вторые постоянно говорят о спорах и вражде, то верить следует информации первых. Мора с подозрением относится к хеттским черновикам писем в Ашшур и в силу того, что в них используется весьма агрессивная тональность, нехарактерная, с ее точки зрения, для царской переписки позднебронзового века⁴. По мнению исследовательницы, те черновики, которыми мы располагаем, были на самом деле адресованы не внешней аудитории, а своей, внутренней. Рисуя своих ассирийских контрагентов в негативном свете, хеттские цари, с одной стороны, желали утвердиться перед своей элитой, а с другой, сплотить ее вокруг себя перед лицом мнимой внешней угрозы. Нам эти построения представляются надуманными. В хетто-египетской дипломатической корреспонденции, которая сохранилась в богазкёйском архиве в виде входящих оригиналов, содержатся цитаты из писем, которыми обменивались хеттские цари и их контрагенты из других великих дер-

² Общим правилом было не хранить копий отправляемых писем, поэтому присутствие исходящей корреспонденции в архиве представляется подозрительным. Ср. в связи с этим аргумент Д. Шарпена, поддерживающего тезис Ф. Юбера о неаутентичности царской корреспонденции III династии Ура: Charpin 2004, 59–60, n. 145.

³ Mora 2005a; Mora 2005b.

⁴ Впервые на это обратил внимание Х. Оттен, подготовивший первое издание основных текстов хетто-ассирийского эпистолярного корпуса. Он, в частности, сомневался, что письмо KUB 23.102, отличающееся наибольшей резкостью со стороны хеттского правителя, было действительно отправлено в Ашшур в точном переводе на аккадский (Otten 1959, 67).

жав. Одно из них, КВо 8.14, сообщает, что иноземный правитель⁵, скорее всего Адад-нерари I Ассирийский (1295–1264), называл своего хеттского корреспондента Хаттусили III «царем-заместителем»⁶, что, очевидно, было весьма оскорбительным указанием на то, что Хаттусили являлся нелегитимным царем, захватившим престол в результате переворота и соответственно не имеющим право на равных сноситься с другими государями Ближнего Востока. Таким образом, ассирийские цари, обращаясь к своим хеттским корреспондентам, могли использовать весьма оскорбительные выражения. Аналогично, и те хеттские черновики, в которых звучит презрение и негодование по отношению к ассирийской стороне, вполне могли очень близко соответствовать тем версиям писем, которые были в конце концов на самом деле отправлены в Ашшур. Далее, остается не совсем понятным, как именно Мора представляет механизм «сплочения» хеттской элиты на основе корпуса текстов, посвященных хетто-ассирийским взаимоотношениям. Так, например, текст КВо 4.14, представляющий собой договор неизвестного хеттского царя со своим вассалом, содержит упоминание о событиях хетто-ассирийской войны, в ходе которой хетты потерпели жестокое поражение при верхнемесопотамском городе Нихрии. Победенный хеттский царь предстает в этом отрывке в весьма жалком виде. Было бы странным, если распространение такого текста среди столичной и имперской элиты могло способствовать ее сплочению вокруг царской власти. Такого рода тексты, скорее, могли достичь обратного эффекта. Аналогичным образом, если в официальной пропаганде, для которой, согласно Мора, был выбран жанр эпистолярный, навязывался образ Ассирии как врага и агрессора, а реальные факты этому противоречили, то это должно было в конце концов вызвать недоверие и отчуждение со стороны элиты, вовлеченной в проведение той же внешней политики (например, правителей и чиновничества пограничных с Ассирией удельных царств). Итак, сомневаться в релевантности исторической информации, сообщаемой хетто-ассирийской царской перепиской, на наш взгляд, оснований нет.

За последние годы, помимо попыток дать новое концептуальное объяснение взаимодействию Хатти и Ассирии, были введены и новые источники. Они распадаются на две группы: хеттские тексты из царских архивов Богазкёя (I); тексты из среднеассирийских административных центров в Западном Ханигальбате (II).

Применительно к первой группе (I) речь идет о фрагментированных текстах, опубликованных в 50-м выпуске серии *Keilschrifttexte aus Boghazköi* с подзаголовком «Historische Texte»⁷.

а) Пожалуй, наибольший интерес представляет собой фрагмент КВо 50.73, который, как показали исследования Дж. Миллера, является частью пространного письма на хеттском языке, адресованного хеттским правителем неизвестному

⁵ Э. Эдель, издатель хетто-египетской корреспонденции, на наш взгляд, совершенно справедливо отождествляет этого правителя как царя Ассирии, предлагая при этом на выбор Адад-нерари I и Салманасар I. Дело в том, что никакой другой государь первого ранга не мог адресовать Хаттусили III столь оскорбительные слова. С Вавилонией, как и с Египтом, Хаттусили поддерживал мир и братство, ср. письма КВо 1.10, КУВ 3.71. Остается только Ассирия.

⁶ Речь идет о так называемых ритуальных заместителях царской персоны, которые, будучи коронованы на время неблагоприятных предзнаменований, должны были принять на себя их последствия. Хетты заимствовали эту практику из Месопотамии и были хорошо с ней знакомы. Об этом свидетельствует наличие в архивах Хаттусы ритуалов замены на хеттском языке, см. Kümmel 1967.

⁷ Miller 2006.

контрагенту⁸. Долгое время считалось, что этим контрагентом выступал некий хеттский вассал. Миллер первым высказался в пользу принадлежности этого документа к досье хетто-ассирийской междоцарской корреспонденции. Разделяя эту точку зрения, мы хотели бы привести развернутую аргументацию в ее пользу. Но прежде необходимо дать перевод обсуждаемого документа:

Лиц. ст. I

1' [] если подобно быку ...-му что-л[ибо]

2' [что-л]ибо я поставил, ты же в / вни[з]

3' [в?] суд/-ы богов они вступают []

4' [] поскольку[у] ты постоянно делаешь ... , твоя жизнь, и ты сам []

5' [] как ты постоянно направляешь, так ты это забираешь назад.

6' [И это] против меня, правого человека, ты постоянно предпринимаешь, —

7' (все это) пусть боги [т]ам увидят!

8' [К]как ты можешь говорить: «Если бы по-доброму мы составили таблицу клятвы!

9' [И] то поношение, которым он поносит, есть ...⁹ Так как

10'–11' [л]ук ты натягиваешь и берешь, именно перед той первой табличкой клятвы, которую мы составили в Куммахи¹⁰, встань,

12' [е]е осмотри! Именно против нее [ниче]м ты н[е] согрешил?».

13' Когда [пер]ед моим посланцем он п[омеш]а[л]

14' [] ... таблица/-у клятвы ... []

15' [сло]ва́ были ... []

16' [] во главе такой то []

17' [м]ы вступим, когд[а]

18' [] он отстроит []'

19' [] таблицу не ..[.]

20' [..]. он омое[т¹¹]

21'–22' [] ...¹¹ []

23' Я тебе н[е]

24' [горо]д Наткину¹² ...¹³ [] . [] ... []

⁸ Miller 2008, 121–124, Anm. 27, № 35 (KBo 18.28+KBo 50.73+KBo 3626). Основную часть текста сохранил фрагмент KBo 18.28+, который был издан в диссертации А. Хагенбухнер (Hagenbuchner 1989, 406–413, № 305). По палеографическим и филологическим критериям текст датируется временем не ранее правления Хаттусили III, см. Hagenbuchner 1989, 409. Транслитерацию фрагмента KBo 50.73 опубликовал также Д. Гроддек (Groddek 2008, 64–65).

⁹ В тексте слово с неизвестным значением *pa-la-wi₅-ti=wa*, отмеченное глоссой клином.

¹⁰ О Кумаху см. Röllig 1997, 286. По предположению ученого, Кумаху находился на Евфрате, выше Каркемиша, либо в районе Биреджика, либо в районе Телль-Ахмара.

¹¹ Отдельные знаки и их фрагменты, не составляющие слов.

¹² О Наткине см. del Monte, Tischler 1978, 281.

¹³ Перед лакуной сохранился знак ur-, который, по мнению Хагенбухнер, может быть началом слова *urpeššar* «посылка, подарок» или глагола *urpa-* «посылать» (Hagenbuchner 1989, 409).

25' [и] ты / он не прислал, и Солнце следующим образом снова [...] ¹⁴

26' я [о]ставлю, и тебе горо[д А]разиг [и] город Наткин[у]

27' [по-доб]рому [я] передал.

28' [Т]ы же меня бранил перед моим послем []

29' [И] так ты сказал: «Иштар пусть знает!» Если мне там [...]]

30' [Как ...]внутри, и тебя точно так же пусть Иштар защитит! Если же [ты] прахом на[зывал],

31' [(и) чт]о-то, (а именно) проклятия (есть) при этом / внутри, [и пусть они обнару-жат] убожество в твоей душе.

32' Я был (и есть) царь. (Там), откуда Солнце поднимается и куда Солнце [заходит,]

33' (те) страны, которые бог мне дал, – второразрядным правителем [там я явля-юсь ¹⁵?!]

34' Второразрядного правителя тебе следовало бы называть прахом!

35' [] против какого бы врага мой слуга ни по[шел?]

36' [то]го я еще не убил. Моего слугу [ты назвал] прахом

37' [слу]гу? великого царя ты назвал прахом. Солнце, []

38' [он всегда на]зывает. Он всегда называет меня царем ¹⁶. И ме[ня]

39' [он всегда на]зывает. И это прах? В день суда су[д]

40' [ме]ня Бог Бури не называ[ет] прахом []

41' [Солнечная богиня] города Аринна этому [слову ¹⁷]

42' [ме]ня? прахом т[ы] называл, не []

43' [] меня прахом т[ы] называл []

Об. ст. IV

(1'–2') [] ... ¹¹ []

(3') [с]нова ты шлешь []

(4') [] ... н[е ¹⁸]

(5') [ме]ня ¹⁹ ты поносишь, перед женщинами []

(6') [] я одолеваю, посла же теб[е я назад не пришлю ²⁰]

(7') [] я не послал []

(8') [т]ы мне посл[а] не посылал, посылку [же]

(9') ты мне направил. Поскольку я тебя друж[ественно? ²¹ принял]

¹⁴ Хагенбухнер восстанавливала конец строки ḫal-za-a[-iš/t] «ты назвал/призвал», но Миллер уверенно отводит это чтение, считая, что в тексте стоит ḫA x¹ [].

¹⁵ Восстановление Хагенбухнер [a-rí-ia e-eš-mi] (Hagenbuchner 1989, 406–407).

¹⁶ Перевод Хагенбухнер этого места, принятый HW² Н 105 («Солнце не зовет меня прахом, он зовет меня царем»)), следует отвергнуть, потому что по нему получается противопоставление хеттского царя («Солнца») и автора письма. Между тем, как указали Мора и Джорджери, авторство принадлежит именно хеттскому царю, что видно по фразе в IV стк. 11': «(Я), Солнце, тебе не враг» (Mora, Giorgieri 2004, 96). Подробнее о лингвистической стороне дела см. Hoffner, Melchert 2008, 362 f.

¹⁷ Хагенбухнер: ke-e-da-ni [INIM-ni].

¹⁸ Хагенбухнер: [L^UṬE₄-M-I-A-ma m^URU ...]x-za²-at-ta-an UGU ú-i[-ia-nu-un (..)] – [«Посла имярек / в город] ...-цатту я послал». Бил и Миллер:]x (-)za-at-ta-an UGU U/L (см. Beal 1993, 249; Miller 2008, 124).

¹⁹ Хагенбухнер: [ka-a-ša am-mu-uk-ma zi-i]k hur-za-ki-ši – [«Таким образом т]ы [меня] бранишь», но с точки зрения Миллера, вместо zi-i]k необходимо читать -m]u.

²⁰ Согласно восстановлению, предложенному Хагенбухнер: L^UṬE₄-MU-ma-at-t[a Ú-UL EGIR-па u-i-ia-mi].

²¹ Если восстанавливать, как предполагает Хагенбухнер, SAG.KI[-an-za ep-ta].

(10') доброе расположение божества сохрани! Нет для тебя правого ... []

(11') Солнце же тебе не враг. Подарок тв[ой я принял]²²

(12') Ты же мой не принял.

(13') То, что касается того, что ты мне написал относительно таблицы клятвы: «Таблицу клятвы мне [ты разбил]²³»

(14') Ты согрешил. (То,) что занесено на таблице клятвы [ты нарушил]²⁴

(15') Ты отстроил города, и сейчас строительство

(16') ты ведешь. Ты согрешил. Клятву ты [полностью нарушил]²⁵

(17') И (сейчас) против меня ты снова начинае[шь] строить []

(18') [Та]блица клят[вы] [] в храме божества будет помещена []

Далее в тексте отсутствует приблизительно пять строк, после чего в сохранившейся части есть только отдельные знаки, не составляющие слов (24''–28'').

По своим стилистическим особенностям данный фрагмент напоминает документы ассирийской дипломатической корреспонденции, что делает весьма вероятным его принадлежность к этому досье. Так, с КВо 18.24, которое, по общему мнению, следует считать письмом Тудхалии IV Салманасару I²⁶, КВо 18.28+ объединяет обсуждение статуса второразрядного правителя (2-an taparanza).

Точку зрения предшествующей историографии о том, что КВо 18.28+ – это письмо хеттского царя вассалу высокого ранга, необходимо отвести по следующим соображениям. Трудно себе представить, чтобы общение со своим вассалом хеттский царь со своей стороны вел на посольском уровне (в тексте, I стк. 28', упоминается DUMU.KIN). Крайне странным выглядит и то, что автор всего лишь сдержанно упрекает в неотправлении послов. Если бы адресат был вассалом, то тон, вероятно, был бы значительно жестче, так как речь шла о нарушении фундаментальных вассальных обязательств. Прекращение отправки посольств фактически означало разрыв отношений. Еще менее вероятно, чтобы вассал отважился бранить своего сюзерена (I стк. 28'), а последний пустился в унижительное для себя подробное обсуждение оскорблений в свой адрес²⁷. Далее, если верна реконструк-

²² Хагенбухнер: [ta-at-ta], форма глагола 3 л., но, возможно, и 1 л.

²³ Хагенбухнер предлагает заполнять лакуны глаголами *-kan šarra-* («нарушить клятву») или *arha paršiya-* («полностью, совсем разбить»), см. Hagenbuchner 1989, 413.

²⁴ Chicago Hittite Dictionary (L–N, 65f.) предлагает другое понимание отрывка, но при этом он исходит из не совсем точного прочтения клинописного текста и мнения, что текст относится к вассальной переписке.

²⁵ CHD. L–N, 66a: [šarrattat]; A. Хагенбухнер: [arha šarraš].

²⁶ Новейшее издание этого документа см. в кн. Mora, Giorgieri 2004, 87–98.

²⁷ Как мы видели выше, в тексте письма, один из оскорбительных выпадов адресата против отправителя заключался в том, что последний был назван прахом, пылью (SAHAR). Хагенбухнер предположила, что при этом адресат делал аллюзию на известную по амарнской переписке унижительную формулу изъяснения вассальной покорности, которая встречается в посланиях из Сирии и Палестины (ср., например, EA 149, где автор, Абу-Милку, правитель Тира, называет себя прахом под обувью фараона: Hagenbuchner 1989, 411–412). Соответственно, смысл оскорбления в нашем документе был в том, что его автор приравнивался по своему статусу к вассальным правителям. С нашей точки зрения, обмен подобными инвективами вполне возможен в рамках хетто-ассирийской дипломатической корреспонденции. Так, вероятно, Хаттусили III в своем письме Адад-нерари I говорил, что ассириец стал великим царем по факту покорения Ханигальбата (KUB 23.102 лиц. ст. 1–5). Это означает, что какое-то время до этого события хетт рассматривал ассирийца в качестве правителя младшего ранга и соответствующим образом строил с ним свои отношения. В письме Тудхалии IV Тукульти-Нинурте I (KUB 23.103 лиц. ст. 27') в контексте об-

ция Хагенбухнер исхода стк. 13' кол. IV, а также наше понимание стк. 12' кол. I, то получается, что двух корреспондентов связывает взаимная клятва. В совокупности все эти данные говорят в пользу равенства статуса контрагентов.

Ключевыми с исторической точки зрения представляются два сообщения нашего документа. В I стк. 26'–27' автор говорит, что передал своему контрагенту два города: Наткину и Аразиг. Для правильного понимания документа важно представлять, где эти города располагались. К сожалению, точных данных о локализации первого из них в других источниках почерпнуть невозможно²⁸. Что касается Аразига, то он имеет достаточно фиксаций в клинописных текстах²⁹, однако ситуация с его размещением на карте остается неоднозначной: предлагались привязки к трем известным теллям³⁰ – Телль-Хадджу, Телль-Карусу, Абу-Ханайи. Впрочем, к какой бы версии мы ни склонялись, речь в любом случае идет о приевфратском городе. Поскольку два поселения следуют в жесткой связке, то, видимо, и Наткину следует искать где-то неподалеку, на отрезке от Эмара до Каркемиша. Упомянутый выше в поврежденном контексте город Кумаху также предположительно лежал на берегу Евфрата³¹. Таким образом, мы видим, что географический фон КВо 18.28+ и, более конкретно, контактная зона владений великого царя Хатти и его контрагента по этому тексту связана с Приевфратьем. С учетом вышесказанного о неваассальном статусе адресата, остается заключить, что им мог быть только ассирийский царь, потому что никакая другая великая держава не могла соседствовать с Хатти в этом регионе в XIII в. до н.э.³²

суждения взаимоотношений двух государств при отце Тукульти-Нинурты, Салманасаре I, встречается фраза: «Он из малого царя стал великим», вполне вероятно, что она относится именно к Салманасару. Если это так, то не только Адад-нерари I, но и его преемник Салманасар какое-то время третировался хеттами как неравноправный правитель. О возможных симметричных обвинениях со стороны ассирийцев говорилось выше.

Далее Хагенбухнер заключила, что раз данная формула была известна в Сирии и Палестине, но ни разу не засвидетельствована богазкёйскими текстами, то и автор, и адресат анализируемого письма должны были происходить из хеттских вассальных стран в Сирии. На наш взгляд, это некорректный вывод. Скорее всего, в условиях тесного межгосударственного общения эпохи поздней бронзы та или иная версия дипломатического формуляра, а также ее политические коннотации были широкого известны за пределами того узкого региона, где эта версия имела особое распространение.

²⁸ del Monte, Tischler 1978, 281.

²⁹ Nashef 1982, 36.

³⁰ См. Tenu 2009, 204. В пользу отождествления с Телль-Карусом высказывается В. Реллиг. Этот вариант удачно сочетается с данными письменных источников, по которым «Аразиг – (город) перед страной Хатти» (*āl Arazig ša pān māt Hatte* говорится в надписи Тиглатпаласара I), т. е. располагается на восточном берегу Евфрата. Впрочем, в Телль-Карусе, как признает сам Реллиг, вскрыты слои только новоассирийского времени. Вариант Телль-Хадджа, поселения на западном берегу реки, был впервые предложен Р. Стаки. Швейцарские раскопки 1971–1972 гг., однако, не дали убедительного подтверждения этой гипотезы.

³¹ См. прим. 10.

³² Теоретически нельзя исключить, что этим соседом мог быть царь Ханигальбата: для XIII в. до н.э. зафиксировано несколько стадий независимого существования этого государства, продолжавшего традицию великодержавия верхнемесопотамского Митанни. Однако по совокупности имеющихся данных можно утверждать, что ни один из них не был могуществен настолько, чтобы диктовать свои условия великому царю Хатти, как это имеет место в нашем документе. Кстати, следует отметить, что если это письмо действительно относится к хетто-ассирийскому досье, то тем самым появляется дополнительный аргумент против гипотезы Мора о неаутентичности последнего: рассматриваемый текст ясно

В IV стк. 14'–17' автор обвиняет своего адресата в нарушении договора. По словам отправителя, эти нарушения, в частности, заключаются в укреплении неких городов. С точки зрения хеттского царя, эти действия направлены против него. Очевидно, что он воспринимает их как угрозу. На наш взгляд, не было бы чересчур рискованным предположить, что в обоих случаях, как в отрывке I стк. 23'–27', так и в IV стк. 14'–17', речь идет принципиально об одной и той же группе поселений: о приевфратских городах, которые недавно вошли в сферу влияния Ассирии.

Таким образом, в целом, по информации нашего документа мы имеем следующую картину: хетто-ассирийская граница проходит по Евфрату (возможно, у ассирийцев имеются анклавы на западном берегу), ассирийцы укрепляют эту границу вопреки договору с хеттами. Хеттская сторона, судя по общему тону документа, не способна противопоставить этим недружественным действиям ничего кроме дипломатической риторики. Очевидно, ассирийцы говорят с хеттами с позиции силы и диктуют им свои условия.

Если попытаться найти в истории хетто-ассирийских отношений хронологический отрезок, который бы наилучшим образом соответствовал описанной ситуации, то наиболее подходящим оказывается время, близкое к сокрушительному поражению хеттов в битве против ассирийской армии при Нихрии. Информацию об этом событии мы черпаем в письме из угаритского архива RS 34.165, автором которого был ассирийский царь, выигравший сражение. Поскольку начальные строки таблички с именем отправителя повреждены, то о личности ассирийца ведутся споры. Ряд специалистов (И. Зингер, С. Лакенбашер, ранее Ж. Фре и др.) считают, что им был Тукульти-Нинурта I (1233–1197), другие ученые, в том числе и автор новейшего переиздания текста М. Дитрих, делают выбор в пользу Салманасара I (1263–1234)³³. Эта точка зрения получила поддержку в отечественной историографии в работах А.А. Немировского. Мы также разделяем ее³⁴ и считаем, что после конфликта при Нихрии в отношениях между Хатти и Ассирией последовал дли-

показывает, что непочтительный и агрессивный тон использовался не только хеттской, но и ассирийской стороной.

³³ Dietrich 2003.

³⁴ Ключевым аргументом против отождествления автора RS 34.165 как Тукульти-Нинурты I остается то, что сохранившийся от имени отправителя конечный знак -SAG присутствует в написании имени только одного царя Ассирии XIII в. до н.э. – Салманасара I. Сторонники поздней датировки документа пытаются обойти это препятствие, предполагая, что Тукульти-Нинурта включил в адресную часть письма помимо своего имени также и отчество. Однако это предположение входит в противоречие с имеющимися данными о дипломатической переписке позднебронзового века: в ней не содержится аналогичных примеров употребления отчества. Попытки реконструировать мотивы такого экстраординарного введения Тукульти-Нинуртой филиации также не выглядят убедительными. Например, Э. Канцик-Киришбаум и Ж. Фре считают, что послание RS 34.165 знаменовало собой установление ассирийско-угаритских отношений, и в связи с этим ассирийский царь стремился к тому, чтобы представить себя в нем наиболее исчерпывающим образом. Однако, судя по значительному ассирийскому влиянию в аккадских текстах из Угарита начиная с Аммистамру II (середина XIII в. до н.э.) и даже ранее, культурные и экономические контакты между Ашшуром и Угаритом были интенсивны. Поэтому в Угарите, скорее всего, были хорошо осведомлены о политической ситуации в Ассирии, в частности, о личностях ее правителей (ср. также то, что судя тексту из Табету, обсуждаемому ниже в прим. 35, Тукульти-Нинурта был, по всей видимости, еще до своего воцарения вовлечен в контакты с Каркемишем). Соответственно, сколько-нибудь подробное освещение своей генеалогии в дипломатическом письме в Угарит было бы со стороны Тукульти-Нинурты явно излишним.

тельный, порядка восьми-девяти лет (1243–1235), период вражды, завершившийся заключением мира в самом конце правления Салманасара I³⁵. Отличительная черта данного хетто-ассирийского конфликта по сравнению с предыдущими заключалась в прямом военном поражении хеттского царя (в данном случае, Тудхалии IV), что вызвало падение его престижа внутри страны, а также существенное ослабление внешних позиций Хеттского царства. Возвращаясь к КВо 18.28+, мы можем предполагать два варианта сопряжения его данных с RS 34.165:

1) КВо 18.28+ отражает положение накануне нихрийского конфликта: в таком случае в нем мы наблюдаем причины, толкнувшие хеттского царя на вооруженную борьбу против Ассирии;

2) он фиксирует ситуацию после битвы при Нихрии и, таким образом, дает нам возможность понять, как именно протекала вражда по окончании «горячей стадии» конфликта. Стороны заключили формальный мир, однако ассирийцы, пользуясь своим преимуществом победителя, нарушали его положения, касающиеся укрепления пограничных городов. Эти действия воспринимались хеттской стороной как подготовка к новой агрессии и создавали при хеттском дворе ту мрачную атмосферу предчувствия новой войны, которая отразилась в тексте КВо 4.14, а также ряде оракулов. Этот второй вариант нам представляется более вероятным.

Завершая обзор КВо 18.28+, мы хотели бы обратиться к одному эмарскому тексту, который, возможно, дает неожиданную отсылку к событиям, упоминаемым в богазкёйском документе. Речь идет о тексте RE 70, представляющем собой купчую на дом. Интерес в нем представляет упоминание памятного события, в год которого была заключена сделка: (28) *i-nu-ma lugal érin.<m>eš hur-ri* (29) ^{uru}*šu-ma^{ki} i-pu-uš*³⁶. Издатель текста Г. Бекман предлагает переводить эту формулу так: «когда царь хурритских войск завоевал город Шума»³⁷. Вместе с тем значение «завоевывать» для аккадского глагола *erēši* выглядит весьма неожиданно. Как показал Ж.-М. Дюран, ссылка на параллели из текстов из Мари, которые якобы подтверждают такое понимание этого слова, на самом деле неубедительны. С точки зрения Дюрана,

³⁵ В пользу заключения такого мира свидетельствует переписка Тудхалии IV с преемником Салманасара Тукульти-Нинуртой. Здесь мы хотели бы обратить внимание на не опубликованный пока среднеассирийский административный текст из Табету/Телль-Табана, содержание которого было проанонсировано в диссертации А. Теню. Согласно этому документу, ассирийский царь Салманасар I совершает поездку вместе со своим сыном, очевидно, Тукульти-Нинуртой в Каркемиш (Tenu 2009, 206). Весьма вероятно, что мы имеем дело с дипломатическим визитом на высшем уровне, и было бы крайне соблазнительно связывать его с заключением мира и братства между Ассирией и Хатти.

³⁶ Beckman 1996, 90. Не исключено, что такая же датировочная формула встречается еще в одном юридическом тексте из Эмара: Msk 7360, изданное Д. Арно (см. Arnaud 1986b, 23–24, № 15; Arnaud 1986a, 44, автография). Арно читал стк. 35–36 этого документа, представляющего собой завещание, следующим образом: *iti a-ba-i mu-tu, ká bal.ri uru-šu-ma i-pu-uš* – «в месяц аба’у; в год, когда он сделал ворота другого берега своего города». Затем Р. Пружински реинтерпретировала данный пассаж на основе аналогии с RE 70 как содержащий упоминание города Шума: «(В) месяц *Абау* (?), год, когда он осадил ворота на противоположном берегу (от) города Шума» (см. Pruzsinszky 2003, 16). Наконец, Ф. Абрахам поставил вопрос о том, что за строительные работы могли подразумеваться при варианте чтения Арно, и затем, на наш взгляд, справедливо поправил чтение первых двух знаков стк. 36, которые повреждены, получив в итоге транслитерацию: *[(lugal) eri]n₂-[meš hu]r-ri^{uru} šu-ma i-pu-uš* (см. Abrahami 2005, 3–4).

³⁷ Такого же перевода придерживаются К. Дзаканьини и М. Адамсвейт (см. Zaccagnini 1995, 107, n. 55; Adamthwaite 2001, 267).

единственный правомерный перевод данного места: «когда царь войск Хурри укрепил город Шума»³⁸. Исследователь считает, что здесь отражена попытка хурритов закрепиться на Евфрате после того, как они потерпели поражения на востоке³⁹. При этом речь идет не о регулярных силах, а об отрядах грабителей.

М. Адамсвейт рассматривает данный эпизод в ряду других упоминаний о нападениях хурритов на Эмар (в частности, в документах Emar VI 42, HCST 7 и др.) и не исключает, что речь идет об одном и том же конфликте в правление эмарского царя Пилсу-Дагана. К сожалению, RE 70 не содержит никаких дополнительных данных просопографического характера, позволяющих уточнить его датировку и подтвердить это предположение ученого. В целом, с точки зрения Адамсвейта, во всех текстах из Эмара, говорящих о нападении внешнего врага⁴⁰, отражается ситуация, скорее всего, синхронная правлению ассирийского царя Тукульти-Нинурты I, когда после завоевания ассирийцами Ханигальбата области Западной Джебизы не были подчинены их жесткому контролю, и базировавшиеся там отряды хурритских вождов могли совершать вылазки против богатых хеттских городов по Евфрату. Вполне возможно, что эти вылазки происходили не без санкции ассирийцев.

Принимая филологическое уточнение Дюрана, мы вместе с тем хотели бы предложить иную, чем у него и у Адамсвейта, историческую интерпретацию RE 70. В свое время М. Астур предложил отождествлять загадочного «царя воинов хурри» с правителем ассирийской провинции Ханигальбат, учрежденной после завоевания этой страны Салманасаром I⁴¹. Официальным наименованием этого чиновника был титул «царь страны Ханигальбат». По мысли Астура, он мог также принимать и другую титулатуру старой митаннийской/ханигальбатской династии, в том числе и почетный титул «царь воинов хурри», что было связано с культовыми функциями ассирийского наместника как попечителя основных святилищ Ханигальбата, а также его стремлением подчеркнуть особые отношения с покоренным хурритским населением Верхней Месопотамии. Соответственно, именно этот ассирийский наместник мог вести военные действия против граничивших с его областью хеттских владений в лице Эмара. И нельзя исключать, что угон 28800 тысяч хеттских подданных, о котором упоминают надписи Тукульти-Нинурты I, был осуществлен этим самым ассирийским «царем Ханигальбата» в рамках его операций на среднем Евфрате.

В таком случае, не может ли и «царь воинов хурри» из RE 70 быть тем же ассирийским правителем Ханигальбата? Если этот вариант действительно верен, то укрепление им города Шума будет логично сопоставить с теми фортификационными работами, которые вызывают протест у хеттского царя по КВо 18.28+. Город Шума упоминается в ряде текстов из Эмара, и по совокупности содержащихся в них сведений Дюран предложил отождествлять его с Телль-Каннасом⁴², который расположен на западном берегу Евфрата между Эмаром и Каркемишем⁴³.

Если RE 70 и КВо 18.28+ действительно связаны между собой и отсылают к одной и той же исторической ситуации, то можно предложить следующую ее ре-

³⁸ Durand, Marti 2003.

³⁹ Очевидно, подразумеваются поражения от ассирийских царей Адад-нерари I и Салманасара I.

⁴⁰ Сюда также относятся тексты с упоминанием о неких враждебных Эмару отрядах *марву*.

⁴¹ Astour 1996.

⁴² Durand, Marti 2003, 151.

⁴³ 36°11' СШ, 38°04' ВД (см. Anastasio, Lebeau, Sauvage 2004, 264, № 221).

конструкцию. После битвы при Нихрии хеттский царь Тудхалия IV был вынужден просить Ассирию о перемирии, которое было заключено на крайне невыгодных для него условиях. Хетты уступили ассирийцам приевфратские города Аразиг, Наткину и Шуму⁴⁴. Вопреки обещаниям не укреплять их, ассирийские власти в лице наместника провинции Ханигальбат стали вести в них строительные работы, что было воспринято хеттами как подготовка к новой военной кампании. Это событие знаменовало собой столь серьезный кризис хетто-ассирийских отношений в Приевфратье и было столь знаковым, что вошло в датировочную формулу текстов из Эмара.

б) следующим новым фрагментом, который касается хетто-ассирийских отношений второй половины XIII в. до н.э., является КВо 50.76⁴⁵. Это кусок, сохранивший начальные строки дипломатического послания. Поскольку существует внешне весьма близкий фрагмент KUB 3.74, возникает вопрос о его возможном соединении с этим новым КВо. Соответственно, статус последнего как самостоятельного документа ставится под вопрос. При более внимательном рассмотрении оказывается, что соединить два осколка невозможно по следующим причинам: фрагменты содержат типы знаков, относящиеся к разным эпохам; один из них имеет круглый, а другой прямой верхний край; при соединении в третьей строке возникает несогласование по лицам между подлежащим и сказуемым⁴⁶. Таким образом, КВо 50.76 – это самостоятельная единица, дополняющая хетто-ассирийское досье.

Местом обнаружения фрагмента является Большой храм в Нижнем городе Хаттусы. Это второй после КВо 18.24 документ из хетто-ассирийского корпуса, который происходит из архивов этого святилища.

Сохранилась только начальная часть письма с приветствиями. Используемая в ней формула («*UMMA* отправитель *ANA* адресат *QIBIMA*») соответствует эпистолярным стандартам, установившимся в сиро-анатолийских и египетской канцеляриях с середины XIV в. до н.э.⁴⁷ Такая же формула встречается и в других письмах из хетто-ассирийской переписки (ср., например, КВо 28.59).

Несмотря на практически нулевую сохранность КВо 50.76 дает некоторую информацию для историка. Письмо было адресовано великим царем Хатти правителю Ассирии, который также наделен эпитетом «великий царь». Используемое обращение «мой брат» свидетельствует о формально дружественном характере взаимоотношений контрагентов. С учетом того, что в тексте есть графемы, характерные для второй половины XIII в. до н.э.⁴⁸, можно считать, что перед нами указание на формально мирные взаимоотношения Хатти с Ассирией при позднем Хаттусили III (ок. 1275–1245) или Тудхалии IV и его сыновьях.

в) столь же мало информативен фрагмент КВо 50.126 (1306/u)⁴⁹. Жанровая атрибуция затрудняется его плохой сохранностью, но встречающиеся формы

⁴⁴ При локализации Аразига и Шумы в Телль-Хаддже и Телль-Каннасе соответственно получается, что ассирийцы получили анклав на западном берегу Евфрата!

⁴⁵ См. транслитерацию в кн.: Groddek 2008, 66.

⁴⁶ Мы признательны Мауро Джорджери за то, что он обратил наше внимание на эти характеристики двух фрагментов.

⁴⁷ Mora, Giorgieri 2004, 45.

⁴⁸ В частности, диагностическим является знак EN с подписным маленьким вертикальным клином под начальным AŠ, относящийся, согласно палеографической классификации Ф. Штарке, к типу IIIc, который хронологически привязан к указанному периоду.

⁴⁹ См. транслитерацию в кн.: Groddek 2008, 97.

местоимения 2 л. ед. ч. (стк. 7', 8') делают вероятным, что это письмо⁵⁰. Фраза из стк. 7': «[...пер]ед богом Ашшуром будет установлено, и ты []» показывает, что обращение к верховному божеству Ассирии было важным для участников описываемой ситуации. Вполне вероятно, что одним из них был царь Ассирии или какой-то другой представитель этой страны и, таким образом, перед нами документ хетто-ассирийской переписки или нарративный текст, затрагивающий хетто-ассирийские отношения. В ином контексте (скажем, во внутриимперской корреспонденции) вряд ли стоит ожидать появления апелляции к иноземному, мало популярному божеству, каким был для Хатти Ашшур. Не исключено, что речь в упомянутой фразе шла о некоем обязательстве или соглашении, подкрепленном ссылкой на божество⁵¹.

Значение КВо 50.76 и 126 заключается в том, что они как весьма вероятные самостоятельные документы хетто-ассирийской дипломатической переписки увеличивают рассматриваемое досье до 27 единиц, а это показывает, что между двумя державами поддерживался весьма интенсивный дипломатический обмен. По важности для Хеттского царства с ним могли соперничать только отношения с Египтом.

з) КВо 50.92 а, б. Эти фрагменты классифицированы в электронном каталоге С. Кошака как фрагменты анналов (СТН 211), принадлежащие к одной таблице, но не соединяющиеся напрямую. Несмотря на крайне плохую сохранность текста в целом удалось установить, что он повествует о нападении некоей враждебной коалиции на Каркемиш. При этом в исследовательской литературе были уже намечены два подхода к исторической интерпретации этих данных. С одной стороны, Дж. дель Монте и З. Хайнхольд-Крамер усматривают тесные параллели между этими новыми фрагментами и текстом KUB 31.6⁵², который традиционно рассматривается как текст из корпуса произведений Мурсили II (ок. 1335–1306), посвященных деяниям его отца Суппилиуму I. Соответственно, и нападение на Каркемиш из КВо 50.92 а, б эти специалисты датируют правлением Суппилиуму и вписывают в контекст его войн за гегемонию в Сирии. С другой стороны, Дж. Миллер и Д. Гроддек, восстанавливая в начальной строке КВо 50.92 а имя ассирийского царя Тукульти-Нинурты I (1233–1197), имплицитно выступают за иную трактовку этого текста, предполагающую, что описанный в нем конфликт у Каркемиша разразился в правление именно этого государя. Дель Монте осторожно допускает такую возможность, но вместе с тем указывает, что одна палеографическая характеристика текста, а именно форма знака LI, не удовлетворяет его датировке концом XIII в. до н.э.

Мы со своей стороны хотели бы присоединиться к точке зрения Миллера и Гроддека. Во-первых, отдельные знаки иногда могут носить более архаическую по сравнению с другими форму, но это не должно вести к механическому повыше-

⁵⁰ В качестве альтернативы этот фрагмент можно рассматривать как исторический нарратив с введением прямой речи действующих лиц.

⁵¹ Ср. достаточно частое употребление глагола *ki-* в клятвах в выражениях типа «да будет это установлено под клятвой / перед таким-то божеством». См. ссылки в Puhvel 1997, 172. Соблазнительным представляется восстановление топонима из стк. 8' как Туттуль. Написанию ^{URU}Tu-ut-tu-[], согласно известным на данный момент хеттским текстам, может соответствовать помимо Туттуля только город Тутува, но поскольку он локализуется в стране Турмитта к западу от Галиса, его вариант следует считать менее предпочтительным в рамках атрибуции фрагмента хетто-ассирийскому досье.

⁵² Del Monte 2009, 156–158; Heinhold-Krahmer 2007.

нию датировки текста в целом. Как справедливо отметил И. Зингер, писцы царской канцелярии могли работать на протяжении нескольких правлений и быть свидетелями смены палеографической моды, однако при этом они не обязаны были ей следовать⁵³, и в выполненных ими рукописях можно было встретить смешение знаков разных эпох. При датировании таких текстов, как наш, палеографический метод не может применяться в отрыве от анализа исторических данных текста. Более того, именно историческая информация приобретает в подобных случаях первостепенное значение, так как присутствие анахронистических графем может объясняться по-разному⁵⁴.

Во-вторых, та структура текста и те заполнения лакун, которые были удачно предложены Дель Монте, как нам кажется, делают невозможным отнесение упомянутых в документе событий к XIV в. до н.э. По мысли исследователя, в начале текста упоминается смена на престоле: после смерти некоего государя, имя которого скрыто лакуной, к власти приходит правитель, чье имя начинается с элемента Tuku-, что и дель Монте и его оппоненты восстанавливают до Tukultī-. Этот новый правитель снаряжает военную экспедицию во главе с командирами гарнизонов нескольких крепостей против Каркемиша. При этом имена двух этих командиров, очевидно, аккадские: в одном случае оно заканчивается причастием D породы *-mušallim* (стк. 2'); в другом выглядит как Манну-ки-шарр[и]⁵⁵ (стк. 4'). Если бы речь шла о правлении Суппилулиумы, то нападение на Каркемиш могли осуществить либо митаннийцы, подчинявшиеся режиму Артадамы II/Шуттарны III, либо соединившиеся с ними ассирийцы. Однако в наших источниках, освещающих это время, нет упоминаний о царях Митанни или Ассирии с именем, начинающимся на Tuku(lī)-. Для Ассирии такой вариант вообще исключен, так как последовательность ассирийских правителей надежно известна по Ассирийскому царскому списку. Поэтому остается считать, что в тексте описывается время царя XIII в. до н.э. Тукульти-Нинурты.

В таком случае встает вопрос о том, как вписать сообщение этого источника о нападении на Каркемиш в историю хетто-ассирийских взаимоотношений при Тукульти-Нинурте I. Корпус текстов этого царя дает только одно эксплицитное указание на конфликт с хеттами: это так называемый отчет о заевфратской экспедиции, присутствующий в двух надписях Тукульти-Нинурты⁵⁶. В ходе ее ассирийцы захватили в плен и увели с западного берега Евфрата 28800 хеттских подданных.

В ассириологии это сообщение вызвало оживленную дискуссию. С одной стороны, в надписях говорится, что набег на хеттские владения был осуществлен в начале правления ассирийца (*ina šurru kussi šarrūtīya*⁵⁷). С другой стороны, согласно письмам Тудхалии IV, направленным им Тукульти-Нинурте I и его придворным

⁵³ Singer 1985, 112.

⁵⁴ В рамках датировки Дель Монте и Хайнхольд-Крамер этот архаический LI нужно объяснять как появившийся в результате копирования с более древнего оригинала, относящегося к концу XIV в. до н.э. При интерпретации Гроддека и Миллера здесь следует усматривать индивидуальную манеру писца.

⁵⁵ Стандартное среднеассирийское имя. См. Saporetti 1970, 306 f.

⁵⁶ Сейчас имеется еще одно, более краткое, упоминание об этом событии благодаря надписи, опубликованной Ф. Талоном (см. Talon 2005, 126, стк. 24–26).

⁵⁷ Близкое выражение *ina šurru sangūtīya* обычно понимается как «в течение периода до первого полного года правления» (см. Borger 1964, 55). Иначе Немировский 2008, 19, где утверждается, что выражение «начало царствования» в среднеассирийских надписях могло обозначать и несколько первых лет правления.

сразу после воцарения последнего, между Хатти и Ассирией в этот момент поддерживаются мирные и дружественные отношения. Противоречие можно было бы счесть снятым, если предположить, что нападение на хеттские области произошло во второй половине – конце первого года правления Тукульти-Нинурты. Дело однако осложняется тем, что в наиболее ранних надписях этого царя о данном эпизоде не упоминается ни словом, а вводится он только в трех документах, которые относятся ко времени после основания новой столицы Кар-Тукульти-Нинурты (минимум после 8 года правления царя). При этом рассказ о захвате хеттов, как показал анализ Х. Гальтера, стилистически можно охарактеризовать в этих текстах как инородную вставку.

Соответственно, в литературе было предложено несколько вариантов решения вопроса о заевфратской экспедиции. Согласно одному из них, сообщения о ней следует считать пропагандистской фикцией (Х. Гальтер)⁵⁸. Ассирийский царь прибегнул к ней в целях самопрославления и одновременно уничтожения своего противника в условиях крайне обострившихся отношений с Хатти. Аргументом против достоверности экспедиции за Евфрат предлагается считать отсутствие каких-либо следов пленных хеттов в административных документах из Ашшура и Кар-Тукульти-Нинурты. Такое молчание источников особенно подозрительно на фоне того, что пленные, захваченные в ходе других кампаний Тукульти-Нинурты, например, хурриты, касситы, сугии, упоминаются в документах отчетности в достаточно больших количествах⁵⁹.

Вторая точка зрения, сторонником которой выступал Х. Оттен, предполагает признание исторической достоверности сообщения о пленении 28800 хеттов. Однако датировать его нужно временем после вавилонского похода. Составляя надписи на этом позднем этапе своего правления, Тукульти-Нинурта счел необходимым прибегнуть к хронологической подтасовке и вынес на первое место рассказ о заевфратском набеге, так как считал его своим самым выдающимся свершением в военной сфере.

В рамках третьего подхода, предложенного Э. Вайднером, необходимо считать, что поход действительно имел место в начале царствования, как об этом говорят сами источники. Вместе с тем сообщения о своем триумфе над хеттами Тукульти-Нинурта I решил вставить в списки своих побед только на сравнительно позднем этапе правления в силу каких-то причин, которые интерпретировались по-разному. По мнению Вайднера, Тукульти-Нинурта поначалу руководствовался стремлением не обострять отношений с хеттами и потому замалчивал этот ранний неблагоприятный эпизод в своих официальных документах. Когда же конфликт сам по себе разразился с новой силой, такая тактика потеряла смысл, и Тукульти-Нинурта отдал должное своим подвигам, совершенным в начале правления. Немировский объясняет ситуацию иначе: дело не в том, что первоначально Тукульти-

⁵⁸ Galter 1988.

⁵⁹ Возражением на этот аргумент может быть отсылка к случайности археологических находок, ответственной за то, что тексты с упоминанием пленных хеттов еще просто не обнаружены. В литературе также высказывалось мнение, что, возможно, ассирийские писцы, регистрировавшие пленных, записывали их в документах отчетности не по государственной принадлежности, а по языку. Поскольку значительное число населения хеттской Сирии было хурритоговорящим, пленные из их числа были занесены как хурриты (см. Nagak 1998, 250). Но скорее всего, как нам кажется, этот эпизод, омрачивший хетто-ассирийские отношения в начале царствования Тукульти-Нинурты I, произошел без его санкции и был стремительно улажен: угнанное хеттское население было возвращено назад. См. ниже.

Нинурта поддерживал мир с хеттами, а потом его отношения с ними ухудшились. По мнению исследователя, царствование Тукульти-Нинурты в целом отличалось мирным сотрудничеством с Хатти, за исключением этого начального эпизода, который носил случайный характер. Соответственно, ввести в официальные документы рассказ о нападении на хеттские владения царя побудило не гипотетическое ухудшение отношений с Хатти. Причина заключалась в том, что после завоевания Вавилонии позиции и престиж Тукульти-Нинурты I на внешней арене настолько укрепились, что он позволил себе в своих строительных надписях представить богам полный отчет о своих военных подвигах, не замалчивая болезненный для союзника случай со столкновением в начале правления⁶⁰. Это, скорее всего, вызвало определенное охлаждение в хетто-ассирийских отношениях.

Последняя интерпретация нам представляется более вероятной. Но все же остается вопрос, каковы были конкретные обстоятельства этой заевфратской экспедиции. Возможно, фрагменты КВо 50.92 а, b как раз позволяют дать на него ответ. Характерно, что упомянутое в них нападение на Каркемиш связывается с моментом прихода к власти нового правителя, которым, как мы видели, весьма вероятно, был Тукульти-Нинурта. Далее особо оговаривается командный состав, ответственный за эту экспедицию, и из контекста видно, что сам царь лично в ней не принимает участия.

Сопрягая данные надписей Тукульти-Нинурты I и рассматриваемых хеттских фрагментов, можно предложить следующую реконструкцию событий в начале его правления. По вступлении на престол Тукульти-Нинурта начинает готовиться к масштабной военной кампании. Об этом становится известно в хеттской столице, и хеттский царь Тудхалия IV пытается отговорить своего союзника от выбора северо-западного направления в качестве цели первого похода⁶¹. Предвосхищая это первое крупное выступление своего государя, по собственной инициативе, но, возможно, и с его санкции ряд военачальников, базировавшихся в западной части Ассирийской державы, совершают пробу сил, нападая на заевфратские земли хеттов. Острие этого удара было направлено против царства Каркемиш. Однако блестящий успех ассирийцев носил кратковременный характер и не имел прочных последствий. Ассирия не присоединила никаких новых территорий, а пленных, число которых было, конечно, преувеличено в царских надписях, была вынуждена вернуть. Отказаться от плодов своей победы Ассирию вынудило скорее всего дипломатическое давление со стороны хеттов: рисковать дальнейшим осложнением отношений с ними ассирийцы не могли, так как готовились к масштабным операциям на севере, северо-западе, а также на юге.

Дальнейшие взаимоотношения хеттов и их сирийских союзников с Ассирией при Тукульти-Нинурте I также еще во многом остаются плохо известными. Однако некоторые новые тексты, преимущественно ассирийского происхождения (II), позволяют говорить об их мирном характере. К наиболее ранним из них относятся административные письма из Телль-Шейх-Хамада/Дур-Катлиму, столицы ассирийской провинции Ханигальбат, расположенной на нижнем Хабуре. Эпонимы, по которым датированы в своем большинстве эти тексты, относятся примерно к 1216/1215 г. до н.э.⁶²

⁶⁰ Немировский 2008, 21.

⁶¹ KUB 23.103 об. ст. 11'–17', 20'–23', KUB 23.92 об. ст. 10'–17', 20'–21'. См. Mora, Giorgieri 2004, 168–171; Hoffner 2009, 325–326.

⁶² По расчетам издателя эпоним Инна-Ашшур-шуми-ацбат относится к промежутку либо между 1222 и 1217, либо между 1218 и 1213 гг.

Так, документ № 2 из издания Э. Канцик-Киршбаум⁶³ дал возможность И. Зингеру построить гипотезу о подготовке династического брака между ассирийским и хеттским царским домом⁶⁴. Помимо этой гипотезы, на которой мы не можем останавливаться здесь сколько-нибудь подробно, важным представляется наблюдение ученого о том, что согласно этому документу граница между хеттскими и ассирийскими владениями проходит не по Евфрату, а по Балиху!⁶⁵ Таким образом, налицо факт значительного ослабления ассирийских позиций на западном направлении по сравнению с эпохой позднего Салманасара I. Вероятно, оно было связано с внезапным усилением хеттов за счет их опоры на традиционного союзника – касситскую Вавилонию. Объединенное дипломатическое давление двух великих держав заставило Ассирию уступить завоеванные в Приевфратье земли. Косвенным аргументом в пользу такого сценария можно считать то, что по эпосу Тукульти-Нинурты I, посвященному победе над касситским царем Каштилиашем IV, Вавилония совершила некие прегрешения против Ассирии в правление отца Тукульти-Нинурты Салманасара. С учетом данных архива Дур-Катлимму эти прегрешения удобно отождествлять с восстановлением хетто-вавилонского контроля над Средним Евфратом.

Письмо № 6, составленное в эпонимат Ина-Ашшур-шуми-ацбата, сообщает о торговой поездке тамкаров царя Каркемиша и «правителя страны» Каркемиш Таги-Шаррумы⁶⁶ по западным областям ассирийского Ханигальбата (упоминается их проход через Хузирану, Аййану, Харран). Кроме того, сообщается об отправке царем Каркемиша льна в Дур-Катлимму, царю Ханигальбата Ашшур-иддину⁶⁷. Эта же тема возникает в послании № 7, датировка которого неизвестна из-за повреждений таблички⁶⁸. Письмо № 13, датированное также по эпонимату Ина-Ашшур-шуми-ацбата, сообщает о присутствии в Ашшуре купцов из Эмара⁶⁹. Таким образом, по данным архива из Дур-Катлимму в середине правления Тукульти-Нинурты I, в эпонимат Ина-Ашшур-шуми-ацбата, сирийские вассалы Хатти поддерживают мирные взаимоотношения со своим восточным соседом.

Административные документы из другого центра ассирийского Ханигальбата, Харбе/Телль-Хуверы⁷⁰, относятся к более позднему времени, но также единодушно свидетельствуют о мирных взаимоотношениях двух держав и их вассалов. Большая часть датируется эпониматом Нину'айу (1213 г. до н.э.). Следует отметить

⁶³ Cancik-Kirschbaum 1996, 94–106.

⁶⁴ Singer 2008.

⁶⁵ В новейшей литературе можно найти и противоположную точку зрения: так, Теню считает, что письмо № 2 из архива Дур-Катлимму свидетельствует о присутствии ассирийцев на Евфрате в районе Каркемиша (Теню 2006, 166).

⁶⁶ Титул «правитель страны» применительно к Каркемишу неизвестен по текстам из Богазкёя и сирийских архивов. Как считает Зингер, ассирийский писец подставил вместо хеттского термина более близкий ему и его адресату аккадский. По предположению ученого, Таги-Шаррума на самом деле был «великим писцом», который выполнял контролирующие функции в Каркемише, был своего рода представителем центральной власти в этом важном центре хеттской Сирии. В должности «великого писца» он засвидетельствован в текстах из Угарита и Хаттусы (см. Singer 2003).

⁶⁷ Cancik-Kirschbaum 1996, 117–122.

⁶⁸ Ibid., 123–128.

⁶⁹ Ibid., 162–165.

⁷⁰ 36°39' СШ, 39°30' ВД (см. Anastasio, Lebeau, Sauvage 2004, 164, № 128).

присутствие на территории ассирийского Ханигальбата хеттского посланника Телли-Шаррумы, которого соблазнительно идентифицировать как каркемишского царевича, сына Сахурунувы (11-го карату, 2-го месяца ассирийского календаря – документы № 24–27 по изданию Ш. Якоба)⁷¹. Документ № 23 сообщает о прохождении через Харбе посла по имени Ябнан из вассального хеттам княжества Амурру (20-го кальмарту, 3-го месяца)⁷². Посол из Хатти также проходил через город в месяц Син эпонимата Эллиль-надин-апли, который датируется несколькими годами ранее эпонимата Нину'айу (№ 54)⁷³. Таким образом, по крайней мере первая половина правления Тукульти-Нинурты I, за исключением инцидента в самом его начале, прошла под знаком мира с хеттами.

Дальнейшие события по-разному реконструируются в работах последних лет. Так, например, Фре постулирует мирные взаимоотношения с Ассирией вплоть до финала существования Хеттской державы⁷⁴. А в отечественной литературе недавно было выдвинуто предположение о том, что при последних хеттских царях Арнуване III и Супилулиуме II Хатти добилось крупного военного или дипломатического успеха над ассирийцами, в результате которого от них под хеттский контроль перешли значительные территории в Верхней Месопотамии⁷⁵.

Базируется это предположение на трех свидетельствах:

1) на данных фрагмента письма из Хатти в Ассирию КВо 18.25, сообщающего о передаче отцом адресата этого послания, очевидно, Тукульти-Нинуртой I, неких городов царю Каркемиша;

2) на сообщении договора с Аласией, КВо 12.39, где одним из глорифицирующих эпитетов хеттского контрагента выступает фраза «тот, который царя страны Ашшур / с царем страны Ашшур...» (об. ст.¹ стк. 17'; далее лакуна, традиционно восстанавливаемая глаголом со значением «сражаться» или «одолеть, победить, возобладать»);

3) на договоре некоего царя Хатти по имени Арнуванда с людьми города Исмерикка; по нему этим людям хетты передают ряд важных городов, которые определены как относящиеся к стране Кищуватна⁷⁶.

Представляется, что ни один из этих аргументов в отдельности, ни их совокупность не позволяют предполагать некое крупномасштабное наступление хеттов в Верхней Месопотамии накануне падения их державы. Первый из упоминаемых текстов легко находит место и в других версиях исторической реконструкции: речь в нем может идти о возвращении Тукульти-Нинуртой городов между Балихом и Евфратом или на северо-западе, в Исуве, которые были захвачены в свое время Салманасаром в ходе хетто-ассирийской войны. Произойти это возвращение могло в результате того дипломатического давления, которые хетты развернули в отношении ассирийцев после их заевфратского набега. Возможно, сыграла свою роль также сознательная установка нового ассирийского царя на поддержание устойчивого мира с хеттами⁷⁷. Фраза в договоре с Аласией может

⁷¹ Jakob 2009, 62–68.

⁷² Ibid., 61–62.

⁷³ Ibid., 3, 84–85. Возможно, за пять лет до Нину'айу, т. е. около 1218 г.

⁷⁴ Freu 2003a, 110f.

⁷⁵ Немировский 2008.

⁷⁶ См. издание в Kempinski, Kořak 1969.

⁷⁷ О том, что такая установка была реальностью и носила системный для внешней политики Тукульти-Нинурты характер, свидетельствует наш анализ среднеассирийских административных текстов.

быть восстановлена по-разному. Необязательно предполагать, что она содержала указание на военный триумф над Ассирией⁷⁸. Вполне возможно (как допускает и Немировский), речь в ней шла о некоем успехе в поддержании мира, что по контрасту с предшествующим периодом изнурительных конфликтов вполне могло выглядеть достижением, достойным прославить добившегося его царя. Договор с Исериккой достаточно давно датирован раннеимперским временем на основании лингвистических данных. Его атрибуция новохеттскому Арнуванде III может быть вызвана только соображениями исторического характера. Однако именно исторические реалии заставляют усомниться в такой атрибуции⁷⁹. Во-первых, странно, что территории в Верхней Месопотамии, включая Ирриде и Вашшуканни, были отнесены к провинции Киццуватна, хотя с административной и географической точек зрения логичнее было их передать Каркемишу. То, что Каркемиш оказался в стороне от этой масштабной перекройки политической и административной карты, особенно удивительно ввиду того влияния, какое имел царь Каркемиша Талми-Тешшуб. Кстати, именно он обеспечил воцарение последнего хеттского царя Суппилиумы II. Вряд ли центральная власть смогла бы проигнорировать его интересы, даже в том случае, если она опасалась чрезмерного усиления Каркемиша. Кроме того, синхронный этому договору ассирийский архив в Телль-Саби-Абъяде свидетельствует о том, что ассирийцы имели доступ и контролировали области, которые разделяли области Вашшуканни и Ирриде.

С другой стороны, те источники, которые стали известны недавно, в том числе только что упомянутые тексты из Телль-Саби-Абъяда⁸⁰, свидетельствуют о продолжении мирного взаимодействия хеттского мира и Ассирии, как мы наблюдали его на материале писем из Дур-Катлимму.

Так, текст сезона 2002 г., T-02-32, сообщает о приезде в Ашшур представительной делегации для прощания с умершим царем (дословно в тексте говорится, что члены делегации его оплакивают) и приветствия нового⁸¹. По мнению издателя Ф. Вихерманна, речь идет о смерти Тукульти-Нинурты I и воцарении его преемника Ашшур-надин-апли. Делегация определяется в тексте как «цари другой страны» (*šarrānu ša mâte šanitte*, т. е. именно «цари» во мн.ч. и «страна» в ед.ч., стк. 10–11), под этим обозначением могут скрываться удельные и вассальные цари

⁷⁸ В своем новейшем издании этого текста С. де Мартино воздерживается от какого-либо восстановления лакуны в этом месте (Martino 2007, 487–488), хотя в комментарии допускает возможность интерпретации этого места в духе предложения И. Зингера: «Кто [сражался(?)] с царем Ассирии» (Martino 2007, 490).

⁷⁹ Настоящим камнем преткновения при интерпретации этого текста становится упоминание города Вашшуканна как места размещения нескольких исериккийцев. Действительно, если текст описывает события правления Арнуванды I, то получается, что хетты распоряжаются митаннийской столицей, и это в момент наибольшего могущества государства Митанни! Как представляется, верное решение нашли М. Форланини и Ж. Фре, которые предложили считать Вашшуканну договора с Исериккой самостоятельным, отличным от Вашшуканни в треугольнике Хабур, городом. В таком случае речь шла бы о хорошо известном для аморейско-хурритского ареала феномене «зеркальной топонимии» (подробно о нем на аморейском материале см. Charpin 2003). Вашшуканну из СТН 133 было бы удобно отождествлять с поселением римского времени Шутга, находившимся на западном берегу Евфрата. См. Freu 2007b, 130.

⁸⁰ Anastasio, Lebeau, Sauvage 2004, 282, № 239.

⁸¹ Wiggermann 2006, 92–99, 212.

Хатти (Каркемиша, Эмара, Угарита, Амурру), а, возможно, и великий царь Хатти собственной персоной. Еще один текст из Телль-Саби-Абъяда (Т 98-119), датирующийся несколькими годами позже, сообщает о военном походе, предпринятом царем ассирийского Ханигальбата Или-падой в поддержку царя Каркемиша⁸². При этом по тексту видно, что помимо Телль-Саби-Абъяда в зоне ассирийского контроля находятся города Харран и Мармарига.

Наконец, еще один фактор, заставляющий думать о мирных взаимоотношениях Хатти и Ассирии в конце XIII – начале XII в., заключается в информации аккадо-язычного фрагмента КВо 28.61–64⁸³. Он написан на ассирийском диалекте, и, несомненно, происходит из Ашшура. Он содержит рассказ о династической ситуации в касситской Вавилонии. Текст выдержан в исключительно дружественном тоне по отношению к хеттскому адресату, которого нужно отождествлять как одного из сыновей Тудхалии IV, так как тот упомянут в третьем лице. В конце документа, на последней строке, стоит имя уже упоминавшегося Или-пады, который известен в качестве эпонима во второй половине правления Тукульти-Нинурты I. Аналогии с другими дипломатическими и административными письмами говорят, что это имя в конце текста должно быть частью эпонимной датировки письма (ср. КВо 28.59 и письма из Дур-Катлимму).

Таким образом, мы можем заключить, что те тексты, которые традиционно приводят в доказательство обострения хетто-ассирийского конфликта при Тукульти-Нинурте I, могут быть интерпретированы иначе, а другие источники того же времени рисуют противоположную картину.

Литература

Немировский А.А. 2008: К истории хетто-ассирийских отношений в конце XIII – начале XII в. до н.э. // ВДИ. 2, 3–24.

Немировский А.А., Александров Б.Е. 2007: «На Солнце, отца моего, я полагаюсь»: ИБоТ I 34 и история Верхней Месопотамии в XIII в. до н.э. М.

Abrahami P. 2005: A propos de «la porte de la rive opposée» dans *Emar* VI.3, 15 = Msk 7360 // NABU. 1/4, 3–4.

Adamthwaite M.R. 2001: Late Hittite Emar. The Chronology, Synchronisms, and Socio-Political Aspects of a Late Bronze Age Fortress Town. (ANES. Suppl. 8). Louvain.

Anastasio S., Lebeau M., Sauvage M. 2004: Atlas of Preclassical Upper Mesopotamia. (Subartu XIII). Turhout.

Arnaud D. 1986a: Recherches sur le pays d'Aštata. *Emar* VI. 1: Textes sumériens et akkadiens. Paris.

Arnaud D. 1986b: Recherches sur le pays d'Aštata. *Emar* VI. 3: Textes sumériens et akkadiens. Paris.

Astour M. 1996: Who was the King of the Hurrian Troops at Siege of Emar? // *Emar: The History, Religion and Culture of a Syrian Town in the Late Bronze Age* / Ed. M.W. Chavalas. Bethesda.

Beal R. 1993: Hittite Correspondence // *Journal of the American Oriental Society*. 113, 245–250.

Beckman G. 1996: Texts from the Vicinity of Emar in the Collection of Jonathan Rosen. (HANEM II). Padova.

Borger R. 1964: Einleitung in die assyrischen Königsinschriften. Erster Teil: Das zweite Jahrtausend v. Chr. Leiden.

Cancik-Kirschbaum E.C. 1996: Die mittellassyrischen Briefe aus Tall Šēḫ Ḥamad. (BATSH 4. Texte 1). Berlin.

Cancik-Kirschbaum E. 2008a: Assur und Hatti – zwischen Allianz und Konflikt // *Ḫattuša – Boğazköy. Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients*. (CDOG 6). Wiesbaden, 205–222.

⁸² Wiggermann 2000, 200.

⁸³ Mora, Giorgieri 2004, 113f., № 8.

- Cancik-Kirschbaum E.* 2008b: Emar aus der Perspektive Assurs im 13. Jh. v. Chr. // *The City of Emar among the Late Bronze Age Empires. History, Landscape, and Society. Proceedings of the Konstanz Emar Conference 25.–26.04.2006* / Ed. L. d'Alfonso, Y. Cohen, D. Sörenhagen. (AOAT 349). Münster, 91–99.
- Charpin D.* 2003 : La « toponymie en miroir » dans le Proche-Orient amorrite // *Revue d'Assyriologie*. 97, 3–34.
- Charpin D.* 2004: Histoire politique du Proche-Orient Amorrite (2002–1595) // *Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit. Annäherungen* 4. (OBO 160/4). Fribourg.
- del Monte G.F.* 2009: *Le gesta di Suppiluliuma. L'opera storiografica di Mursili II re di Hattusa*. Pisa.
- del Monte G.F., Tischler J.* 1978: Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. (RGTC 6). Wiesbaden.
- Dietrich M.* 2003: Salmanassar I. von Assyrien, Ibirānu (VI.) von Ugarit und Tudḫalija IV. von Ḫatti. RS 34.165 und die Schlacht von Niḫrija zwischen den Hethitern und Assyren // *Ugarit-Forschungen*. 35, 103–139.
- Durand J.-M., Marti L.* 2003: Chroniques du Moyen-Euphrate 2. Relecture de documents d'Ekalte, Émar et Tuttul // *Revue d'Assyriologie*. 97, 141–180.
- Freu J.* 2003a: De la confrontation à l'entente cordiale: les relations assyro-hittites à la fin de l'âge du Bronze (ca. 1250–1180 av. J.-C.) // *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday* / Ed. G. Beckman, R. Beal, G. McMahon. Winona Lake, 101–118.
- Freu J.* 2003b: Histoire du Mitanni. Paris.
- Freu J.* 2006: Histoire politique du royaume d'Ugarit. Paris.
- Freu J.* 2007a: La bataille de Niḫrija, RS 34.165, KBo 4.14 et la correspondance assyro-hittite // *Tabularia Hethaeorum. Hethitologische Beiträge. Silvin Košak zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von D. Groddek und M. Zorman. (DBH 25). Wiesbaden, 271–292.
- Freu J.* 2007b: Les débuts du nouvel empire Hittite. Les Hittites et leur histoire. Paris.
- Freu J., Mazoyer M.* 2008: L'apogée du nouvel empire Hittite. Les hittites et leur histoire. Paris.
- Freu J., Mazoyer M.* 2009: Le déclin et la chute du nouvel empire Hittite. Les hittites et leur histoire. Paris.
- Galter H.D.* 1988: 28.800 Hethiter // *Journal of Cuneiform Studies*. 40, 217–235.
- Groddek D.* 2008: Hethitische Texte in Transkription KBo 50. (DBH 28). Wiesbaden.
- Hagenbuchner A.* 1989: Die Korrespondenz der Hethiter. T. 2. (THeth 16). Heidelberg.
- Harak A.* 1998: Sources épigraphiques concernant les rapports entre Assyriens et hittites à l'âge du bronze récent // *Rencontre Assyriologique Internationale* 34, 239–252.
- Heinhold-Krahmer S.* 2007: Drei Fragmente aus Berichten über die Taten Šuppiluliumas I.? // *Tabularia Hethaeorum. Hethitologische Beiträge. Silvin Košak zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von D. Groddek und M. Zorman. (DBH 25). Wiesbaden, 367–383.
- Hoffner H.A.* 2009: *Letters from the Hittite King*. Atlanta.
- Hoffner H.A., Melchert H.C.* 2008: *A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar*. Winona Lake.
- HW²: *Friedrich J., Kammenhuber A.* Hethitisches Wörterbuch. Zweite, völlig neubearbeitete Auflage auf der Grundlage der edierten hethitischen Texte. Heidelberg, 1975–
- Jakob S.* 2009: Die mittelasyrischen Texte aus Tell Chuḫra in Nordost-Syrien. (Vorderasiatische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung 2, III). Wiesbaden.
- Kempinski A., Košak S.* 1969: Der Išmeriga-Vertrag // *Die Welt des Orients*. 5. 191–217.
- Kümmel H.* 1967: Ersatzrituale für den hethitischen König. (StBoT 3). Wiesbaden.
- Martino S., de* 2007: Il trattato tra Ḫatti e Alašiya, KBo XII 39 // *VITA. Festschrift in Honor of Belkıs Dinçol and Ali Dinçol*. Istanbul, 483–492.
- Miller J.* 2006: Keilschrifttexte aus Boghazköi. Fünzigstes Heft (Texte historischen Inhalts). Berlin.
- Miller J.* 2008: Joins and Duplicates among the Boğazköy Tablets (31–45) // *Zeitschrift für Assyriologie*. 98, 117–137.
- Mora C., Giorgieri M.* 2004: Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Ḫattuša. (HANEM VII). Padova.
- Mora C.* 2005a: Il conflitto tra Ittiti e Assiri e le molteplici interpretazioni di un evento non narrato // *Narrare gli eventi. Atti del convegno degli orientalisti italiani in margine alla mostra «La battaglia di Qadesh»* a cura di F. Pecchioli Daddi e M. C. Guidotti. (Studia Asiana 3). Roma, 245–256.
- Mora C.* 2005b: Grands rois, petits rois, gouvernants de second rang // *Res Antiquae*. 2, 309–314.
- Mora C.* 2008: Entre Anatolie et Syrie, entre Âge du Bronze et Âge du Fer, entre paix et guerre: l'histoire inachevée de Karkemiš // *The City of Emar among the Late Bronze Age Empires. History, Landscape,*

and Society. Proceedings of the Konstanz Emar Conference 25.–26.04.2006 / Ed. L. d'Alfonso, Y. Cohen, D. Sürenhagen. (AOAT 349). Münster, 79–90.

Nashef Kh. 1982: Die Orts- und Gewässernamen der mittelbabylonischen und mittellassyrischen Zeit. (RGTC 5). Wiesbaden.

Orlamünde J. 2001: Zur Datierung und historischen Interpretation des hethitischen Orakelprotokolls KUB 5.1+ // Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie. Würzburg, 4.–8. Oktober 1999 / Hrsg. von G. Wilhelm. (StBoT 45). Wiesbaden, 511–523.

Otten H. 1959: Korrespondenz mit Tukulti-Ninurta I. aus Boğazköy // Archiv für Orientforschung. Beiheft 12, 64–68.

Pruzsinszky R. 2003: Die Personennamen der Texte aus Emar. (SCCNH 13). Bethesda.

Puhvel J. 1997: Hittite Etymological Dictionary. Vol. 4. Words beginning with K. Berlin–New York.

Röllig W. 1997: Aspects of the Historical Geography of Northeastern Syria from Middle Assyrian to Neo-Assyrian Times // Assyria 1995. Proceedings of the 10th Anniversary Symposium of the Neo-Assyrian Text Corpus Project Helsinki, September 7–11, 1995 / Ed. S. Parpola and R.M. Whiting. Helsinki, 281–291.

Saporetti C. 1970: Onomastica medio-assira. (Studia POHL 6). Roma.

Singer I. 1985: The Battle of Nihriya and the End of the Hittite Empire // Zeitschrift für Assyriologie. 75, 100–121.

Singer I. 2003: The Great Scribe Taki-Šarruma // Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday / Ed. G. Beckman, R. Beal, G. McMahon. Winona Lake, 341–348.

Singer I. 2008: A Hittite-Assyrian Diplomatic Exchange in the Late 13th Century BC // VI Congresso Internazionale di Ittitologia, Roma, 5–9 settembre 2005 / A cura di Alfonso Archi e Rita Franchia (=SMEA 50/2). Roma, 713–720.

Talon Ph. 2005: Une inscription de Tukulti-Ninurta I // Si un homme ... Textes offerts en hommage à André Finet. / Ed. par Ph. Talon et V. van der Stede. (Subartu XVI). Turnhout, 125–133.

Tenu A. 2006: Du Tigre à l'Euphrate: la frontière occidentale de l'empire médio-assyrienne // State Archives of Assyria Bulletin. 15, 161–181.

Tenu A. 2009: L'expansion médio-assyrienne. Approche archéologique. Oxford.

Wiggermann F.A.M. 2000: Agriculture in the Northern Balikh Valley. The Case of Middle Assyrian Tell Sabi Abyad // Rainfall and Agriculture in Northern Mesopotamia / Ed. R.M. Jas. (PIHANS 88). Leiden, 171–231.

Wiggermann F.A.M. 2006: The Seal of Ilī-padā, Grand Vizier of the Middle Assyrian Empire // The Iconography of Cylinder Seals / Ed. P. Taylor. London–Turin, 92–99, 212–216.

Zaccagnini C. 1995: War and Famine at Emar // Orientalia. 64, 92–109.

THE HITTITE KINGDOM AND UPPER MESOPOTAMIA IN THE TIMES OF TUDHALIYA IV AND HIS SONS (LATTER HALF OF 13th – FIRST DECADES OF 12th CENTURIES BC): NEW SOURCES AND HYPOTHESES

B.E. Aleksandrov

The paper presents a study of some Hittite and Assyrian documents recently discussed and comes to following conclusions. Text KBo 18.28+ reflects (as well as, perhaps, Emar text RE 70) deep hittite discontent with Assyrian strengthening of border across the Euphrates, in the area recently conceded by Hittites to Assyria, and can be dated to the period of formal Hittite-Assyrian reconciliation after the war of so called Nihriya Battle under Shalmanaser I. The fragments KBo 50.92 a, b speak, in all probability, about an attack by Assyrian forces of King Tuku[lti-Ninurta] in the area of Karkemish and correlate to this King's claims in some inscriptions for capturing «28800» Hittite subjects beyond the Euphrates at the very beginning of his reign. All the bulk of known Hittite and Assyrian data induces to consider that this borderline incident did not have any developments and further relations of Tukulti-Ninurta with Hittites were peaceful and basically friendly.